

Ли Чжао, очевидно, не заметила подвоха в его словах и, увидев, что Чжоу Чжоу уступил, расплылась в улыбке:

— Отлично, пойдём сейчас же!

Сказав это, она повела его за собой...

Тем временем Вань Цзюньи, уйдя, направилась в Павильон Ваньюэ — она хотела забрать у Нин Су своё письмо. Но входить в чужой дом без спроса было невежливо, поэтому она осталась ждать у двери.

Тишина и одиночество, царившие вокруг, невольно повлияли на её мысли. В памяти всплывали картины прошлого, в основном — моменты, проведённые со старшей сестрой. Они тянулись, словно длинная река, не ведающая конца...

Так и должно было быть.

Она вздохнула, прислонилась к стене и закрыла глаза.

В темноте образы стали чёткими, и Вань Цзюньи ясно увидела лицо старшей сестры.

В те времена та ещё не использовала улыбку как маску. Первоначальная Бай Цин была мягкой и сдержанной, но не прятала свои эмоции — иногда Вань Цзюньи могла разглядеть в ней недовольство или даже гнев. Но под этой внешностью скрывалась хрупкость и одиночество, которые вызывали жалость.

И всё же старшая сестра оставалась собой: «Мечом вершила правосудие, к людям была добра».

Но с какого-то момента она изменилась — стала призрачной, недостижимой, отдалённой. Вань Цзюньи знала: старшая сестра не любила улыбаться. Раньше её улыбки порой были искренними, но теперь они почти всегда были фальшивыми. Неизвестно, какие чувства она скрывала, что даже улыбка стала такой ненастоящей...

При мысли об улыбках картина перед глазами вдруг исчезла, и вместо неё возник образ, часто мелькавший в последние дни, — сияющий, как утреннее солнце.

Вспомнив Ли Чжао, Вань Цзюньи нахмурилась. Снова появилось это странное чувство. Она не знала, как его описать, но сердцем понимала: ему не следовало возникать.

К счастью, мучиться долго не пришлось — Нин Су вернулась в сопровождении человека в маске.

Нин Су не удивилась, увидев Вань Цзюньи у двери, мягко улыбнулась и сказала:

— Заходи.

Получив разрешение, Вань Цзюньи вошла.

Когда все трое оказались внутри, человек в маске закрыл дверь, опустил засов и лишь затем сел.

Вань Цзюньи поняла, что Нин Су хочет о чём-то поговорить, но прежде ей нужно было вернуть письмо.

Однако, не успев она открыть рот, Нин Су уже достала письмо из-за пазухи и положила перед ней.

— Вы читали? — спросила Вань Цзюньи, глядя на неё.

Нин Су не стала скрывать и кивнула:

— Нужно же было понять, чем Цао Мань припугнул.

— ... — Вань Цзюньи опустила глаза.

— Не волнуйся, я никому не скажу. Они наши старшие, и мы ни за что не причиним им вреда.

Услышав это, Вань Цзюньи снова взглянула на неё — и её догадка окончательно подтвердилась.

— Не думала, что Звезда Чёрного Пятна окажется столь грозной...

Собеседница усмехнулась:

— Какой бы сильной она ни была, пока ты в безопасности, Чёрное Пятно обречено на гибель.

Вань Цзюньи кивнула, понимая её намёк.

— Я не знаю, где эта вещь находится, но раз мама её спрятала, Чёрному Пятну вряд ли удастся её найти.

— Верно. Инцидент в Фэнлине, вероятно, часть этого плана. Но, кажется, Чёрное Пятно не обманешь... зато какой-то «праведник» из мира ремесленников уже попал в ловушку.

— ... Госпожа Ло поняла, какой план задумала мама?

Нин Су кашлянула и произнесла четыре иероглифа:

— «Разжечь тьму, чтобы явить свет».

Вань Цзюньи нахмурилась, не понимая смысла, но, судя по выражению лица Нин Су, та не собиралась объяснять дальше.

В этот момент снаружи донёлся звук быстрых шагов...

Авторское примечание:

Ежедневно благодарю всех, кто добавляет в закладки, комментирует и поддерживает меня~(□▽□)/~

Эта глава довольно явно намекает, что Нин Су и Ло Цзин — ещё одна пара Ало-Лазурной Звезды, поэтому Нин Су и говорит, что её болезнь неизлечима.

Если коротко, короткая жизнь Лазурной Звезды проявляется в ускоренном угасании органов, которое невозможно остановить. Скорость угасания варьируется: некоторые не доживают и до двадцати, другие — до сорока (по другим данным, в эпоху династии Цянь средняя

продолжительность жизни составляла 70–80 лет; те, кто практиковал боевые искусства и не злоупотреблял, могли дожить до девяноста, а отшельники часто перешагивали столетний рубеж).

У Нин Су угасание идёт быстро, но она использует некий секретный метод, чтобы замедлить его, хотя это вызывает постоянный кашель.

Бедствия Алой Звезды в конце часто превращаются в любовные муки — после смерти Лазурной Звезды Алая тоже не хочет жить. Происхождение Ало-Лазурной Звезды, Алой Звезды и Чёрного Пятна будет объяснено в главах о Снежных горах (*~□~*)

На этом всё, болтовня окончена.

Пришедшими оказались Ли Чжао и Чжоу Чжоу.

Они долго блуждали по Кварталу Юйюй, пока не встретили посла Лоюэ, который и указал им дорогу.

Едва человек в маске открыл дверь, Чжоу Чжоу грубо вызвал Вань Цзюньи, заявив, что хочет поговорить, но вид у него был такой, будто он собирался её съесть.

Ли Чжао, увидев это, сразу передумала позволять Деве Цзюнь оставаться с ним наедине и настаивала на том, чтобы пойти вместе.

Не успел Чжоу Чжоу придумать, как успокоить маленькую хозяйку, как Вань Цзюньи неожиданно сама предложила Ли Чжао остаться с Нин Су.

Послушная Ли Чжао могла лишь с тоской смотреть, как Дева Цзюнь уходит с Чжоу Бо, чувствуя пустоту внутри. Она не вошла в дом, а осталась сидеть у двери, терпеливо ожидая.

Увидев, как она выглядит (забавно), Нин Су предложила своей жене приготовить для Ли Чжао горячий чай.

Но та вежливо отказалась — слишком уж она была встревожена, чтобы пить чай; даже вино не казалось привлекательным.

Не имея выбора, Нин Су наслаждалась чаем вместе с женой, используя предлог «Ли Чжао сидит у двери, нельзя закрыть, и стало холодно», чтобы с чистой совестью попросить объятий.

Не дожидаясь ответа, она обняла Ло Цзин за талию, прижалась лицом к её животу и прикрыла глаза, наслаждаясь моментом.

Разумеется, для правдоподобия она даже сделала вид, что дрожит, отчего Ло Цзин почувствовала одновременно лёгкое раздражение и нежность. Но что поделать? Она лишь нежно погладила голову своей жены, позволяя ей вести себя так...

Под маской скрывалась бездонная нежность.

Однако тепло внутри дома лишь подчёркивало холод и пустоту у двери...

Чжоу Чжоу и Вань Цзюньи ушли довольно далеко — видимо, оба чувствовали, что этот разговор едва ли будет мирным.

— Любопытно, почему ты так легко согласилась поговорить со мной наедине? — Чжоу Чжоу

шёл впереди, и в его голосе звучала холодность.

Глядя под ноги, Вань Цзюньи спокойно ответила:

— Некоторые вещи нельзя избежать.

— Хм, умная девчонка. Говорю прямо: в роду Вэй осталась лишь маленькая хозяйка. Надеюсь, ты оставишь её в покое.

Последние слова он произнёс с особым напором, вложив в них скрытую угрозу.

Лицо Вань Цзюньи оставалось бесстрастным. Она подняла глаза, уставившись в спину Чжоу Чжоу, и её голос по-прежнему звучал холодно:

— Она сама должна решать, куда идти. Я никогда не принуждала её и уважаю её выбор.

Услышав это, Чжоу Чжоу остановился. Руки, скрещённые на груди, опустились, сжались в кулаки, и на них вздулись вены.

— Ты очень похожа на свою мать...

Вань Цзюньи нахмурилась, но промолчала.

— Много лет назад мы с другими стариками искали твою мать, умоляя оставить в покое того парня из Бэйчао. Хм, твоя мать сказала то же самое. «Уважать его выбор»? Всего лишь благородная отговорка, чтобы увести чужого мужа... — Он глубоко вдохнул и с ненавистью выдохнул:

— Бесстыдство!

С этими словами Чжоу Чжоу развернулся. Лицо его стало демоническим, и он выпустил всю свою боевую мощь.

Давление, насыщенное убийственным намерением, будто подняло ураганный ветер, от которого задрезжали оконные рамы.

Вань Цзюньи, оказавшаяся под этим прессом, конечно, почувствовала, как кровь закипает в жилах, а лицо побелело. Но она стояла прямо, её ясные глаза без страха встречали взгляд Чжоу Чжоу. Даже если перед ней была огненная гора, извергающая пламя, которое опаляло её кожу, она не теряла рассудка.

— То, как поступали мама и папа, не тебе судить. Папа уже отпустил это... — Увы, было слишком поздно.

Эти слова были её собственными мыслями, но для ушей Чжоу Чжоу они прозвучали как оправдание: неверный бросил его покойную маленькую хозяйку, а она называет это «отпустил»?

Он тут же фыркнул, сделал шаг вперёд — и убийственная аура медленно, но верно стала сочиться из его тела.